

АНАЛИЗ, ВЫВОДЫ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ

СПОСОБНА ЛИ ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ВЫБОРА ОБЪЯСНИТЬ РАЗРУШЕНИЕ СССР? ¹

О. Сухарев,

д-р экон. наук, профессор, г.н.с. ИЭ РАН,
профессор кафедры «Теории и методологии государственного
и муниципального управления» ФГУ МГУ

Введение. Предметом рассмотрения настоящей статьи выступает вопрос: способна ли теория общественного выбора объяснить разрушение СССР? Он возник в силу размышления над статьей П.А. Ореховского «"Феномен Горбачева": распад СССР через призму новой политической экономии», содержащей многочисленные субъективные оценки автора – иногда предположения и домыслы, иногда не отвечающие действительности заключения, подводящие вроде как объективную научную базу под распад страны и в какой-то степени поэтому оправдывающие этот «распад». Интерес вызвало то, что для изучения вынесенной в заглавие темы автор статьи решил использовать неолиберальную теорию общественного выбора, которую кратко, буквально в двух абзацах в начале статьи поясняет, без ссылки на основателей этой «выдающейся» теории К. Викселя, Дж. Бьюкенена, Г. Таллока. Он сводит проблему разрушения страны к ее «распаду», «феномену Горбачева», а также использует во многом социологическую теорию групп Олсона применительно к позднему СССР. При этом обходится без социологических оценок и доказательного выделения самих групп (это обесценивает применение), базируя свои доводы ссылками на работы, с правдоподобием и адекватностью которых следует разбираться отдельно.

Указанная работа отмечена наградой по разделу «вклад в политическую экономию». Между тем какой-либо вклад в политическую экономию здесь совершенно отсутствует, никакие законы функционирования капиталистической и социалистической системы не рассматриваются и не разбираются, не обнаруживаются в тексте и методология изучения распада СССР.

Это побуждает остановиться на краеугольном вопросе – способна ли в принципе теория общественного выбора, которой приписывают статус новой политической экономии, объяснить и выявить причины «распада» СССР и достаточны ли субъективные оценки автора для объяснения причин такого сложного процесса. Не будем ставить вопрос относительно своевременности такой статьи и выдвигаемых доводов, о возможностях поиска объективных доказательств и аргументов, так как имеются убедительные данные участников системы государственного управления СССР и Госплана СССР, что объективных причин для разрушения страны не существовало (автор разбираемой статьи, видимо, не знаком с ними) ². Важен еще и аспект, почему избрана для объяснения нелиберальная теория с заведомо ограниченным полем изучения, особенно советской социалистической системы. Остановимся чуть более подробно на перечисленных вопросах и позициях.

«Теория общественного выбора» как *квинтэссенция нелиберального фетиша в экономической науке*. Теория общественного выбора, как отмечал один из современных ее адептов и продолжателей Джеймс Бьюкенен, обязана своим становлением диссертации Кнута Викселя (1896 г.), где были обозначены доктрины «методологического индивидуализма», «экономического человека» и

«политики как обмена»³. В силу этого требуется признать вклад К. Викселя как основоположника этой теории. Далее Дж. Бьюкенен обещает сформулировать теорию экономической политики, базирующуюся на ценностях западного либерального дискурса.

Неолиберальная, «неоклассическая» экономическая мысль всегда трактовала человека с позиции его индивидуальных предпочтений и совершаемого им выбора с точки зрения собственной полезности. Предполагалось, что человек способен определить, что полезно и вредно для себя, что доставит ему наибольшее удовлетворение, что он может точно установить ценность благ и осуществить выбор. Задача максимизации собственного богатства, благосостояния постулируется в «неоклассике» как главная проблема, а теория общественного выбора перенесла эту задачу на область политики, где тоже совершается выбор. Вот что пишет Дж. Бьюкенен: «Индивид, который сегодня делает выбор между яблоками и апельсинами, завтра будет выбирать в кабине для голосования одного из двух политических деятелей...»⁴. Влияние институтов на избирателя становится объектом теории общественного выбора. Главная же фабула теории общественного выбора сводится к тому, что там, где делается выбор, могут быть применены методы исследования рыночного выбора.

Таким образом, теория общественного выбора – это фактически перенос равновесных схем в рамках подхода «затраты-выгоды» к избирательному процессу в политике, голосованию, принятию решений, а также взаимодействия политических агентов по схеме «принципал-агент». Причем важным допущением признается методологический индивидуализм, а инструментом – равновесная ситуация. Оба тезиса активно критикуются и отвергаются представителями «эволюционной экономики»

Задача теории общественного выбора, которой придают статус новой политической экономии, использовать модель рыночного поведения агента к анализу политики⁵. Особо отмечает Бьюкенен, что отличие между рыночной и политической системами состоит не в отличающихся побуждениях агентов, стремящихся к выгоде, а в структуре этих видов деятельности. Такие трактовки сами по себе являются допущениями, причем весьма усеченными, по факту своей формулировки отвергающими общественные цели и мотивы поведения и принятия решений, а также отвергающими наличие соответствующих целевых функций, которые отсутствуют в капиталистической системе, но присутствуют в социалистической экономике.

Доктрина «политики как обмена» рассматривает поведение индивида, который платит налоги как обмен, так как он осуществляет налоговый платеж в обмен на так называемые общественные блага. Поэтому политика – это не только власть, но и обмен, а принуждение является приемлемым, поскольку агенты ожидают результаты, удовлетворяющие их интересы и тогда согласны подчиняться. Если же отсутствует свободный обмен, согласно Бьюкенену, то государственное принуждение вступает в противоречие с ценностями индивида, составляющими базу либерального строя общества⁶.

Участники политического процесса преследуют разные цели, как и участники рынка, но, с позиции Бьюкенена – Викселя, реформа правил и законодательных органов власти способна изменить конституционные рамки выбора. Общая идея неолиберальных доктрин, стержневым ядром которых выступает и обозначенная «теория общественного выбора» – понизить государственную активность. Виксель надеялся, что посредством налоговой реформы в том числе можно прийти к единогласию и формировать бюджетные расходы, как бы отодвигая государство. В таком случае, а Бьюкенен, воспевая Викселя, также выдает дифирамбы принципу единогласия как базе конституционного договора, происходит создание завышенных ожиданий по поводу данного принципа. Возникает вопрос: какая система организации выборов и политической системы способна обеспечить принцип единогласия? Капиталистические институты, проектируемые исходя из потребностей удовлетворения интересов определенных ограниченных кругов, вряд ли способны обеспечить работу этого принципа.

Причина в том, что подавляющей системы привязано в какой-то мере к образованию, здравому смыслу, в этой системе, не становящейся истинно функциями программируемого принципа единогласия даже в капиталистической системе. отложенной политической системы равенства в распределении административных функций предоставляется и возможность

Таким образом, новая парадигма – Викселя не удосуживается анализом конституционных принципов, а также поле исследований – «политический институт» – методом «затраты-выгоды» даже влияние изменяющихся условий при весьма неживых допущениях агентов. К тому же не учитывая социальные и политические формы), а также асимметрии информации и различные институциональные представления о дисфункционировании теоремы Р. Коуза, которую подоплеку в виде устранения проблем обмена во взаимоотношениях позиций, не отвечающей реальности же она, теорема, не позволяет теоретически возможно реализовать

Сформулированная К. Э. Бьюкенена теория общественного выбора имеет ряд трудностей и ограничений. Во-первых, коллективный (общественный) выбор, в отличие от индивидуального, имеет свои особенности. Иными словами, подобно тому, как в рыночной системе эффективность частного и коллективного выбора различна, так и в политической системе коллективный выбор не всегда эффективнее индивидуального. Если же коллективный выбор на их основе происходит без достижения результата, то это может привести к снижению числа участников с разными интересами.

Теория общественного выбора рассматривает избирателей как рациональных агентов, стремящихся к максимуму полезности при голосовании, а политический процесс – как процесс выбора большего, а приемлемому члену (или группе) (по мнению Г. Саймона), чтобы пройти путь к исполнительной власти. В таком случае, избиратель поверит, что если он проголосует за кандидата, который таким образом, отрицается стремление занять пост и подчиниться целевую функцию, так и не выполнит решения, которые лично ему выгодны. Таким образом, индивидуализация общественных представлений процесса выбора в политике нет места никаким институтам, альтруизму и желаниям

6. Экономист. № 7.

ризнать вклад К. Вискеля
и обещает сформулиро-
ваться на ценностях западного

кая мысль всегда трактов-
очений и совершаемого
Предполагалось, что чело-
я себя, что доставит ему
становить ценность благ и
его богатства, благососто-
проблема, а теория обще-
политики, где тоже совер-
ид, который сегодня дела-
ет выбирать в кабине для
...». Влияние институтов
нового выбора. Главная же
му, что там, где делается
выборочного выбора.

это фактически перенос
к избирательному про-
а также взаимодействию
Причем важным допуще-
инструментом – равно-
отвергаются представите-

издают статус новой поли-
поведения агента к анали-
между рыночной и поли-
буждениях агентов, стре-
тельности. Такие трактовки
ш усеченными, по факту
или и мотивы поведения и
ответствующих целевых
системе, но присутствуют

поведение индивида, ко-
дает налоговый платеж в
тому политика – это не
приемлемым, поскольку
интересы и тогда согласны
согласно Бьюкенену, то
не с ценностями индиви-

разные цели, как и участ-
корма правил и законода-
уционные рамки выбора.
ром которых выступает и
низить государственную
овой реформы в том чис-
жетные расходы, как бы
воспевая Вискеля, также
институционального догово-
оводу данного принципа.
в и политической систе-
алистические институты,
ия интересов определен-
ить работу этого принци-

па. Причина в том, что подавляющее число функций агентов капиталистиче-
ской системы привязано в своей реализации к индивидуальному доходу. Это
относится к образованию, здравоохранению, юстиции, судам и политической
системе, не становящейся исключением. Неравенство по доходам и реализуе-
мым функциям программирует различные интересы, подрывая реализацию
принципа единогласия даже по отдельно рассматриваемым правовым вопросам
в капиталистической системе. Если и работает этот принцип, то при хорошо
отлаженной политической системе социалистического государства, где нет не-
равенства в распределении активов и собственности на средства производства,
предоставляется и возможность получения большего дохода.

Таким образом, новая политическая (конституционная) экономия Бьюкене-
на – Вискеля не удосуживается выявить закономерности и законы функциони-
рования экономических системы при различиях в их организации и конститу-
ционных принципах, а также идеологии. Она формирует весьма ограниченное
поле исследований – «политики как обмена», располагая всего одним инстру-
ментом – методом «затраты-выгоды», посредством которого анализируется
даже влияние изменяющихся правил на политический выбор и договор, еще и
при весьма неживых допущениях или ограниченной трактовке целевых функ-
ций агентов. К тому же не учитываются различные формы неравенства по до-
ходу, социальным и политическим функциям (включая должностные и прочие
формы), а также асимметрия информации, отсутствие бесплатности информа-
ции и различные институциональные эффекты, например дисфункция. Приме-
нение представлений о дисфункции способно изменить формулировку знаме-
нитой теоремы Р. Коуза, которая, как и подход Бьюкенена, имеет идеологиче-
скую подоплеку в виде устранения государственной активности, перевода про-
блем обмена во взаимоотношения только агентов, что является натянutoй ком-
позицией, не отвечающей реальной жизни и никак не объясняющей ее⁷. К тому
же она, теорема, не позволяет прийти к практически полезным решениям, ко-
торые возможно реализовать в сфере даже агентских обменов и отношений.

Сформулированная К. Эрроу теорема невозможности фактически показы-
вает те трудности и ограничения, которые возникают при осуществлении кол-
лективного (общественного) выбора на основе индивидуальных ценностей.
Иными словами, подобно тому, как нельзя оценивать одинаковым критерием
эффективность частного и государственного секторов (это серьезная методоло-
гическая ошибка, поскольку цели, функционал, задачи, состав, назначение, мо-
тивы, структура и возможности сильно отличаются), что часто делает эконо-
мистами, так неправомерно на базе индивидуальных ценностей формировать
коллективный выбор. Если индивидуальные ценности сильно расходятся, то
коллективный выбор на их основе породит конфликтность участвующих аген-
тов без достижения результата в силу сложности системы выбора и большого
числа участников с разными ценностными установками.

Теория общественного выбора в трактовке Дж. Бьюкенена приводит к рас-
смотрению избирателей как максимизаторов полезности от своего выбора пу-
тем голосования, а политических деятелей и партии как стремящихся даже не к
большему, а приемлемому числу голосов на выборах (гипотеза о сатисфакции
Г. Саймона), чтобы пройти в соответствующие органы законодательной или
исполнительной власти. В связи с чем проводимая политика становится такой,
чтобы избиратель поверил, что она в его интересах, и проголосовал за нее. Так-
им образом, отрицается служение государству на уровне как политика, стре-
мящегося занять пост и получить высокий доход и власть, что составляет его
целевую функцию, так и избирателя – гражданина, стремящегося получить те
решения, которые лично ему выгодны. Фактически делается попытка индиви-
дуализации общественных решений, развития государства с его элиминирова-
нием, а также, можно сказать, принятия весьма примитивного модельного
представления процесса политического и общественного выбора. В этом ана-
лизе нет места никаким институтам, идеологии, культуре, общественным цен-
ностям, альтруизму и желанию служить своей стране. Такие доминанты целе-

вой функции поведения и принятия решений просто отсутствуют, что не может быть правдоподобным и составляет не более чем модель или схему, покоящуюся на оценке «затраты-выгоды». Подобный подход сразу ограничивает возможности этого инструмента при анализе, выводах и распространении полученного на практике политического и государственного управления. Неживые допущения, условности, приписываемые без доказательств и эмпирических обоснований целевые функции или выделяемые таким же методом группы в социуме – все это элиминирует действенность самого подхода и так называемой теории общественного выбора. Она в упор не видит и доктрин, изучающих капитализм и порождаемые им специфические институты демократии, когда монетарная функция является главенствующей; но она же, будучи перенесенной на анализ политического обмена и выбора, перестает отражать общественные интересы в принципе, отрывается от них, подменяя капиталистическими и групповыми интересами.

Политика как агента в такой оторванной от жизни модели намеренно лишают функции служить государству и обеспечивать максимизацию или наиболее приемлемое значение в рамках функции общественного благосостояния. У работников интерес – заработная плата, у владельцев бизнеса – прибыль, а политик ориентируется на срединного избирателя, чтобы собрать как можно больше голосов, своеобразным образом разрешая проблему «принципал-агент».

Но ведь существо вопроса в том, что владелец бизнеса – это владелец средств производства в капиталистической системе, а менеджер – это наемный персонал области управления, которого собственник может заинтересовать частью прибыли и которого интересует не только оплата труда, хотя в общем случае заработная плата является сильным мотивом. Но конфликт исчерпывается сам собой, поскольку заработная плата выплачивается регулярно, входя в стоимость факторов производства и себестоимость создаваемых благ, и зависит от интенсивности и качества труда, решений владельца средств производства, а прибыль является итоговым показателем, зависимым от рыночных условий обмена (продажи) созданного блага (продукта). Вот почему неолиберальные теории, включая теорию общественного выбора, неспособны адекватно объяснить даже капиталистическую систему, дать практические рекомендации в области экономической политики или замены базисных институтов, включая конституционную реформу. Эта теория не видит необходимости изменения самого капитализма – она является слабой, весьма ограниченной интеллектуальной конструкцией, ущербной и мало что объясняющей.

Таким образом, теория общественного выбора неспособна объяснить и особенности функционирования социалистической системы, включая ее политическую составляющую, не говоря уже о поиске причин разрушения этой системы в 1991 г. Она применяется неолиберальными кругами России для апологии и объективации процесса разрушения СССР с упором на термин «распад». Ее адепты, включая П.А. Ореховского, не видят разницы между этими двумя терминами, когда один означает действия, приводящие к разрушению целенаправленно, а другой – самопроизвольный процесс, происходящий будто бы по объективным причинам. Рассмотрим проблему более подробно, опираясь на статью названного автора.

Разрушение СССР: догмы, собственность, конфедерация, корпорация?
Автор статьи «Феномен Горбачева»: распад СССР через призму новой политической экономии уже в аннотации утверждает, что новую политическую экономии нечасто используют для анализа проблем экономики СССР, и называет причинами однородное общество, систему выборов по квотам, однопартийную политическую систему, отсутствие классов и соответствующих противоречий⁸. Но ведь в императивы теории общественного выбора не укладывается иное – целевые функции, которые она приписывает агентам политической избирательной системы, и вводимые допущения, на которых строится архитектура этой «теории». Фактически получается, что теория создавалась для объяс-

нения процессов лишь в однообразии. В таком случае методологического аппарата. капиталистической эпохи.

Во-первых, обратим внимание на то, что теория общественного выбора ставит вопрос относительно неких проблем. И теория общественного выбора подтверждает это, делая несона, рассматривая процесс начала 1990-х гг.

Во-вторых, однопартийная система, даже если признать ее формой организованного избирательного подхода применительно к

В-третьих, уже в аннотации, называя этот процесс бездоказательным процессом социалистической системы, не дает никаких оценок – только констатацией. Тут же утверждается распад. Если предположить ее свертывания не может пр

Кстати, автор абсолютный педант. В ряде словарей распад как союзной Федерации нечая России. Эти государства единение – общесоюзная сила, крайние вообще улетучиваются из сставление посредством групп колонн». Изложенный анализ с социологической, ни тем

В-четвертых, в аннотации экономика (читай – теория) СССР, который все считали был не чем иным, как коварного влияния. Более того, государством, с острой бедой далее уже считает их объясняющими распад. К ответственное образование, да ствует этому.

Именно такая дилемма, в котором нанизываются ряды глубокого понимания, а также разъяснений, что те в реальности, поскольку низации такую борьбу и компетенций. А госплана ном СССР, имеющим обаяния в ней ресурсов, на предполагаемой коррекционном режиме¹⁰.

В-пятых, вот эту остроту и норматив, принима

отсутствуют, что не может
идею или схему, покоящуюся
сразу ограничивает воз-
можности распространения полу-
ченного управления. Неживые
теории и эмпирических
данных же методом группы в
каждом подходе и так называе-
мые доктрины, изучающих
культуры демократии, когда
идея же, будучи перенесен-
на, отражает обществен-
ные капиталистическими и

эти модели намеренно ли-
берализацию или наибо-
лее благоприятного состояния. У
бизнеса – прибыль, а по-
пытка собрать как можно
проблему «принципал-

бизнеса – это владелец
менеджер – это наемный
может заинтересовать ча-
сти труда, хотя в общем
Но конфликт исчерпыва-
ется регулярно, входя в
подаваемых благ, и зависит
на средств производства, а
им от рыночных условий
почему нелиберальные
способны адекватно объяс-
яются рекомендации в об-
щественных институтах, включая
необходимости изменения
ограниченной интеллекту-
альной.

способна объяснить и осо-
бенности, включая ее полити-
ческие разрушения этой си-
стем России для аполо-
гизмом на термин «распад».
разницы между этими двумя
идеи к разрушению целена-
правленно исходящий будто бы по-
дробно, опираясь на

«федерация, корпорация?»
через призму новой поли-
тической новую политическую
экономики СССР, и назы-
ваются по квотам, однопар-
тийности соответствующих проти-
вопозитного выбора не укладывает-
ся агентам политической
которых строится архитек-
тура создавалась для объяс-

нения процессов в общественной системе, не предполагая их раз-
нообразия. В таком случае возникает объективное ограничение на уровне ме-
тодологического аппарата, причем теория становится уязвимой даже для той
капиталистической эпохи, в рамках которой и для которой она создавалась.

Во-первых, обратим внимание: говорится об использовании теории приме-
нительно к изучению проблем СССР – каких именно? Один разговор, когда
ставится вопрос относительно распада-разрушения, и совсем иной, когда речь
идет о неких проблемах. Наличие классов не является исконным атрибутом
теории общественного выбора, тем более конфликтующих, и П.А. Ореховский
подтверждает это, делая неуклюжую попытку обратиться к теории групп Ол-
сона, рассматривая процессы заката СССР и трансформации конца 1980-х –
начала 1990-х гг.

Во-вторых, однопартийность не означает отсутствие выборов, а квотирова-
ние, даже если признать его наличие, это процедурное наполнение таким обра-
зом организованного избирательного процесса – системы выборов. Аналогич-
ный подход применялся, кстати, не только в СССР.

В-третьих, уже в аннотации статьи видна идеологическая предвзятость ав-
тора, называющего марксизм-ленинизм не учением, а религией. В таком случае
бездоказательное применение буржуазной «теории общественного выбора» к
социалистическому государству – без инструментария и только при субъектив-
ных оценках – можно также признать религией, причем с негативным прило-
жением. Тут же утверждается, что такая религия объясняет стабильность, а не
распад. Если предположить, что эта «религия» свернута, то почему сам процесс
ее свертывания не может спровоцировать распад.

Кстати, автор абсолютно не объясняет, что понимает под термином «рас-
пад». В ряде словарей распад трактуется как разрушение, но разрушение СССР
как союзной Федерации не стало синхронным разрушением республик, вклю-
чая Россию. Эти государства сохранились, т.е. разрушено было только их объ-
единение – общесоюзная советская крупная федеративная держава. Причем в
мире имелись силы, крайне заинтересованные в таком исходе. Данный аспект
вообще улетучивается из статьи, внешние факторы не анализируются, а пред-
ставление посредством групп исключает анализ внутренних групп типа «пяток
колонии». Изложенный анализ не может быть назван полным и достоверным ни
с социологической, ни тем более экономической точки зрения.

В-четвертых, в аннотации к статье утверждается, что новая политическая
экономика (читай – теория общественного выбора⁹) позволяет выявить, что
СССР, который все считали федерацией и юридически это так, оказывается,
был не чем иным, как конфедерацией, возникающей с нейтрализацией партий-
ного влияния. Более того, постулируется, что СССР был еще и корпоративным
государством, с острой борьбой за ресурсы. Введя такие вещи нормативно, ав-
тор далее уже считает их базовыми, не требующими доказательств и прекрасно
объясняющими распад. Конфедерация легче распадается нежели иное государ-
ственное образование, да и борьба за ресурсы, причем острая, видимо, способ-
ствует этому.

Именно такая логика далее прослеживается по всему тексту статьи, в кото-
ром нанизываются якобы обосновывающие фразы или отсылки, однако без
глубокого понимания элементарных понятий (федерация и конфедерация), а
также разъяснений, что такое острая борьба за ресурсы и существовала ли она
в реальности, поскольку плановое хозяйство исключает по фабуле своей орга-
низации такую борьбу и даже такой мотив на уровне агентов соответствующих
компетенций. А госпланы республик согласовывали свои разработки с Госпла-
ном СССР, имеющим общие планы развития всей союзной страны и размеще-
ния в ней ресурсов, на принципах согласования и общей координации, а также
предполагаемой коррекции, которая велась в согласовательном и координаци-
онном режиме¹⁰.

В-пятых, вот эту острую борьбу, которую вводит П.А. Ореховский как те-
зис и норматив, принимая за правду (это и есть субъективная оценка), оказыва-

статьям и «объясняет объективности распада» при ретушировании подлинных причин.

Посвящая *первый параграф* статьи так называемой новой политической экономии, П.А. Ореховский сводит ее к теории общественного выбора, не показывая ни крупицы ни положительных, ни, что самое важное, отрицательных моментов этой теории, которые могут завести в дебри, не предоставляя ни одного убедительного ответа на вопросы о причинах разрушения СССР. Трактовка избирательной системы сразу дается по западному типу – что могут и чего не могут политики, что они пополняют свои избирательные фонды, а избиратели ведут себя так, но не иначе. Политиков атакуют группы интересов, возникает лоббизм и отношения принципала и агента. Тем самым вводится аппарат, описывающий капиталистическую организацию «буржуазного выбора», где деньги решают все. Это не имеет ничего общего с социалистической системой – системой не только выборов, но и организации общественной жизни, в которой собственность на средства производства является государственной, отсутствуют крупные владельцы такой собственности, способные повлиять и на процесс выборов, и на базовые правила, регулирующие различные отношения в буржуазном обществе.

Далее по тексту идет «вплетение» в рамки теорий общественного выбора отдельных нормативно подаваемых элементов из советской системы, причем подаваемых примерно так, как в аннотации, т.е. в том виде, как они мыслимы П.А. Ореховским. Это делается без выделения этапов или отрезков времени, на протяжении которых советская система также менялась, не представляя некий статичный монолит в развитии и хозяйства, и социалистического права.

В статье даны отсылки на работы, выделяющие особый «эксплуататорский класс – номенклатуру», представляющую якобы обуржуазившихся большевиков. Следует отдельно разбираться с уровнем обоснованности подобных тезисов, наличием доказательств владения средствами производства, что и составляет обуржуазивание. Этого нет в рассматриваемой статье, а имеется ли в работах, на которые даются сноски – большой вопрос. Известно, что функция распоряжения средствами производства контролировалась органами государственной власти. Поэтому приписывание обуржуазивания большевикам выступает идеологическим актом интерпретационного характера, не отвечающим действительности, но хорошо вписывающимся в общую канву обоснования разрушения СССР по вроде как объективно-созревшим причинам.

Можно возразить П.А. Ореховскому, что в работах, на которые он ссылается, едва ли развивается научная политэкономия марксистского содержания, поскольку ей не было присуще бескритериальное, бессистемное и бездоказательное рассмотрение явлений вне выявленных общественных законов и закономерностей. В отличие от «новой» политической экономии, научная на пустой базе не работала.

Марксистский анализ справедливо в классовом обществе рассматривает выстраивание государства и его институтов в интересах правящего класса, в частности владеющего средствами производства, что подтверждается историей развития буржуазных государств. В этом случае максимизация общественного благосостояния отсутствует как цель, но, соответственно, такую цель невозможно поставить и обосновать также в рамках буржуазной теории общественного выбора, отдающей пальму первенства при анализе индивидуальному выбору, что в классовом обществе опять приводит к постулатам и законам общественного развития, открытым марксистской теорией (относимых к капитализму). Как известно, социалистическая система базируется на кардинально отличных законах развития, нежели капитализм, в каком бы обличье и варианте его ни рассматривать.

В первом параграфе П.А. Ореховский приводит, на наш взгляд, справедливый тезис, один из немногих в его статье, а именно, что теория общественного выбора не могла быть применена для анализа развития СССР. Но затем он нарушает это положение, чтобы отойти в другую сторону. Бросая по тексту тер-

ти на средства производ-

сти. Однако приводимые
ституции 1977 г. подтвер-
гора остается совершенно

алич власти (а что такое
неспособность движения),
е решения, опирающиеся

в в виду такая трактовка
воват единственная при-
ри «правящей коалиции»
Подытоживается аннота-
вается политически легити-
ад государства почти не-
ужно обосновать нали-
рсов (каких именно?), из
чень наивные нанизыва-

е терминологию, чрезвы-
да, советской экономики
конституционных норм.
льных положений, в ко-
ая за правду то, что ей,
вует совсем.
е еще явно в отрицатель-
представление о едином
нием, что разрыв связей
Это добавление сделано
сть такого разрыва или
включающее большинство со-
можно, за исключением

е менее советские усло-
рализованных инвести-
о экономического про-
тит приписывание целе-
гов (максимум инвести-
ти выхода. В чем раци-
нородной системе, при
в какой период она воз-
сколько он правомерен
ума от 17 марта 1991 г.

методология изучения
достичь научными ме-
е разобраны детально
шей на новую полити-
ерности и законы раз-
тизировать разрушение
ни – это даже не уход
визация их экономики.
атривает совсем. Капи-
омического поработше-
наставителей правящей
ганизацию обществен-
и социально-экономи-
интересован в подобных

мины, в частности «социалистическая демократия», автор не отграничивает ее от «капиталистической демократии» (чему уделено много места в советской литературе – и не только правовой и исторической, но и экономической), а для проведения априорно заданной позиции, причем явно идеологизированной, не научной, отмечает отсутствие в СССР коалиций в парламенте, избирательных фондов, т.е. тех атрибутов капиталистической системы, которые и подлежали рассмотрению теорией общественного выбора. Фактически утверждается, что этой теории нечего рассматривать, да и незачем. Но тем не менее с завидной настойчивостью автор продолжает нанизывать в своем изложении те заданные позиции, которые хочет любым способом утвердить. Советское общество он называет основанным на религии марксизма-ленинизма, идеократией, наделяет свойством сакральности. Однако это не имеет отношения к реальной эволюции СССР, тем более что сакральность не может обеспечить легитимацию.

Теория общественного выбора весьма узко трактует вопрос «общественного договора», а теорема Томаса утверждает, что эффективное функционирование государства (без гражданских конфликтов) требует веры в общественный договор. В общем-то, это банальная позиция, из которой вытекает возможность намеренного воздействия на подобный договор с целью разжигания гражданских конфликтов, что и произошло в СССР в самом конце 1980-х гг., когда для разрушения страны использовалось подогревание межнациональных противоречий.

П.А. Ореховский поспешно делает вывод, что причина распада СССР состоит в отказе граждан от веры в догмы марксизма-ленинизма. Важен вопрос: были социологические исследования такой веры в тот период? В чем они состояли, какие результаты дали, можно ли их считать правдоподобными? Если нет, тогда это несостоятельный вывод, потому что разрушение страны могло осуществляться и происходить совершенно по другому вектору разрушения: например, межнациональные конфликты и провокация экономических противоречий при резком и целенаправленном ухудшении управления.

Более того, имеющиеся социологические данные, в частности, по референдуму от 17 марта 1991 г. говорят об обратном – граждане желали сохранения единой страны, а потом, когда разрушение все-таки произошло, слабо верили, что в СНГ возникнут конфликты и какие-то эксцессы между близкими народами, даже не воспринимая СНГ как ширму для «развода» республик. Этому есть и исторические свидетельства, и социологические данные экспресс-опросов, доступные в общем пользовании. Поэтому вряд ли следует утверждать, что пропала вера, да еще в догмы (уничжительный термин, почему не положения или законы? ¹²) марксизма-ленинизма. В таком случае важны и причины, и факторы «пропадания», что составляет отдельную тему для исследования и не укладывается ни в одну буржуазную теорию, тем более теорию общественного выбора, переносящую экономический анализ «затраты-выгоды» на политический процесс.

П.А. Ореховский приводит целый абзац, что потеря веры в догмы привела к потере легитимности КПСС (хотя действовало советское право, законы никто не отменял, кроме пятой поправки, что внесло лепту в разрушение системы управления обществом), и приписывает свою субъективную оценку (это индивидуально – не научное мнение), что КПСС совершила самоубийство, якобы осознав преимущества капитализма и либеральной (читай – буржуазной) демократии.

В статье П.А. Ореховского называется период 1986-1993 гг., который был разнородным и этапным, но которому автор приписывает дискурс победы демократии над тоталитаризмом. Однако вряд ли этот дискурс был столь победным до 1989 г. Именно тогда происходили дезорганизация и потеря управляемости экономикой, разрушение общественного устройства и федеративного государственного союза. Факторы, причины, следствия, решения, приведшие к этому, должны тщательно изучаться – по классическим канонам строго научного познания. Между прочим, 20 декабря 1989 г. М.С. Горбачевым была под-

писана 13-я пятилетка, которую даже сегодня аналитики уходят с итогами развития России – менее ясно, но и 2000-х гг. иция страны активно продолжала подготовку 13-го пятилетнего телей до сих пор еще не дост логичных производств, по ст для всего СССР.

Вопреки домыслам, совет не разочаровались, а готовил союзной Федерации. Привед перевешивает любые субъект ского.

В принципе, может ли «циалистической – большой и положительным. Но П.А. Ор критерия и обоснования он и

В статье ~~возможности~~ ~~ни~~ ~~дарств~~, а ~~экспрессирован~~ ~~та~~ ~~поверхности~~ ~~потому~~ ~~что~~ ~~они~~ ~~в~~ ~~ому~~ ~~капиталу~~, ~~равно~~ ~~как~~ ~~и~~ ~~предпринято~~ ~~какие~~ ~~раз~~ ~~и~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~Восточной~~ ~~Европе~~ ~~тоже~~, причину, которая вполне у «штыка» Тафта – Нокса, автор

Задается еще один вопро силу преобладания мотива ст мым вопросы подспудно про которые наверняка не прису ведение. Если верно обратн они не представлены. Тогда гиваний и как они допустим емых премиями за вклад в по

П.А. Ореховский выраж новую политическую экон жить объяснения и ответы по достаточного уровня социол характер их изменения во вр не имеющих власть.

В отличие от П.А. Орех ра не столь инструменталь чена по объекту, предмету а лютизирует капиталистичес ким рецептам изменения «бу

Последующие параграф представляют СССР как коз димо, такое нанизывание и прокрустово ложе теории об

Первое. Дадим классиче Федерация – это объедине из государственных образо деленной юридической и п характерно разделение сфер органами власти входящих построенных, как правило, щихся бюрократическим це

писана 13-я пятилетка, которую обвалили, не выполнив ни одного параметра. И даже сегодня ~~анализ~~ уходят от анализа и сопоставления тех плановых цифр с итогами развития России – не только 1990-х гг., с которыми все более или менее ясно, но и 2000-х гг., когда индустриальная и технологическая деградация страны активно продолжалась. Проф. А.С. Нешитой лично участвовал в подготовке 13-го пятилетнего плана и полагает, что значительный ряд показателей до сих пор еще не достигнут и даже недостижим в области высокотехнологичных производств, по сравнению с теми, какие планировались в 1989 г. для всего СССР.

Вопреки домыслам, советские органы управления и планирования ни в чем не разочаровались, а готовили планы развития Советского Союза как единой союзной Федерации. Приведенный факт, один из совокупности возможных, перевешивает любые субъективные оценки, коими полна статья П.А. Ореховского.

В принципе, может ли «буржуазная демократия» быть демократичнее социалистической – большой вопрос, скорее с отрицательным ответом, нежели с положительным. Но П.А. Ореховский считает иначе. Тем не менее никакого критерия и обоснования он не приводит.

В статье поднимается вопрос, почему сохранились республики в виде государств, а ликвидировали только общее советское государство. Ответ лежит на поверхности: потому что именно советское государство было не нужно мировому капиталу, равно как и 15 отдельных советских государств. Разрушение предпринято именно ради уничтожения советской социалистической системы, и в Восточной Европе тоже, как угрожающей мировому капиталу. Названную причину, которая вполне укладывается в доктрину «дипломатии доллара и штыка» Тафта – Нокса, автор статьи во внимание не принимает.

Задается еще один вопрос: почему коммунисты отказались от власти – в силу преобладания мотива свободы над меркантильными интересами? Тем самым вопросы подспудно приписывают коммунистам некие целевые функции, которые наверняка не присутствовали и уж точно не детерминировали их поведение. Если верно обратное – то нужны доказательства, причем научные. Но они не представлены. Тогда возникает вопрос относительно подобных передергиваний и как они допустимы в научных журналах и научных статьях, отмечаемых премиями за вклад в политическую экономию.

П.А. Ореховский выражает надежду на теорию общественного выбора – новую политическую экономию; однако каким образом она способна предложить объяснения и ответы по указанным вопросам, остается неясно, так как нет достаточного уровня социологических исследований, проясняющих мотивы и характер их изменения во времени для определенных групп людей, имеющих и не имеющих власть.

В отличие от П.А. Ореховского полагаем, что теория общественного выбора не столь инструментальна, как постулируется; напротив, она весьма ограничена по объекту, предмету и методам изучения политического процесса, абсолютизирует капиталистическую организацию общества и не приводит ни к каким рецептам изменения «буржуазной демократии» по существу.

Последующие параграфы статьи вызывают сильное недоумение, так как представляют СССР как конфедерацию и одновременно как корпорацию. Видимо, такое нанизывание и интерпретация подгоняет предмет «анализа» под прокрустово ложе теории общественного выбора.

Первое. Дадим классическое представление о федерации и конфедерации. Федерация – это объединенный в союз, т.е. «союзное государство, состоящее из государственных образований (республик, штатов и др.), обладающих определенной юридической и политической самостоятельностью; для федерации характерно разделение сферы компетенций между союзными органами власти и органами власти входящих в нее членов; в отличие от буржуазных федераций, построенных, как правило, по территориальному признаку и характеризующихся бюрократическим централизмом, социалистическая федерация образу-

... автор не отграничивает ее
... много места в советской
... (но и экономической), а для
... идеологизированной, не
... парламенте, избирательных
... темы, которые и подлежали
... тически утверждается, что
... тем не менее с завидной
... сем изложении те заданные
... Советское общество он
... сьма, идеократией, наделяет
... вения к реальной эволюции
... вить легитимацию.

... тует вопрос «общественно-
... фективное функционирова-
... бует веры в общественный
... рой вытекает возможность
... сько разжигания граждан-
... бонше 1980-х гг., когда для
... ежнациональных противо-

... причина распада СССР со-
... ленинизма. Важен вопрос:
... тот период? В чем они со-
... правдоподобными? Если
... разрушение страны могло
... тому вектору разрушения:
... шия экономических проти-
... управления.

... в частности, по референ-
... ждане желали сохранения
... произошло, слабо верили,
... между близкими народа-
... республик. Этому есть
... данные экспресс-опросов,
... следует утверждать, что
... вин, почему не положения
... чае важны и причины, и
... му для исследования и не
... ее теорию общественного
... ты-выгоды» на политиче-

... в веры в догмы привела к
... жкое право, законы никто
... у в разрушение системы
... ивную оценку (это инди-
... ла самоубийство, якобы
... гтай – буржуазной) демо-

... 1993 гг., который был
... вает дискурс победы де-
... курс был столь побед-
... шия и потеря управляе-
... йства и федеративного
... решения, приведшие к
... вы канонам строго науч-
... Горбачевым была под-

ется на национально-территориальной основе в результате добровольного объединения равноправных социалистических республик»¹³. «Конфедерация – это союз, объединение государств, сохраняющих независимое (суверенное) существование, объединяющихся в союз для координации своей деятельности по некоторым вопросам, либо временный политический союз»¹⁴.

П.А. Ореховский начинает второй параграф статьи с того, что общепринятое представление об СССР как о федерации неверно, так как даже по документам он представлял конфедерацию. Однако юридические документы, включая те, на которые сделаны ссылки, четко формулируют, что СССР – это федеративное государство. Кроме того, мы привели «словарные» определения, которые точно проясняют этот вопрос. Подведение базы, что это была на самом деле конфедерация, очень облегчает задачу обоснования распада страны. Логика банальна – конфедерации проще же распадаются. Даваемые трактовки, что республики имели свои министерства союзно-республиканского значения и что теория общественного выбора трактует это как «зоны свободной торговли», напоминают неадекватное восприятие действительности, сопряженное с выдергиванием цитат из законодательства страны.

Однако это никак не объясняет разрушения СССР. Если и был предусмотрен выход, то, во-первых, был нарушен его конституционный порядок. Во-вторых, и при разъединении можно было оставаться социалистическим государством, чего не произошло. Оба факта показательны и имеют фундаментальное значение. Они суть доказательства – доказательства разрушения, а не произвольного распада. Поэтому недопустимо упрощение: мол, захотели – объединились, прошли годы – разъединились. В том-то и причина, что уничтожали социалистическую систему, противостоящую буржуазной – это самое главное и коренное противоречие, без учета которого невозможно рассмотреть и понять исследуемые вопросы.

Указанное противоречие, если угодно – мир-системное, игнорируется в статье П.А. Ореховского. Поэтому вместо научного анализа проводится пустой схематизм, примитивизируются отношения центра и республик, проводится ущербное представление о зоне свободной торговли, ситуация сводится к распределению инвестиций, налогов и т.д. Работа в республиканских Госпланах и Госплане СССР так не велась, это не соответствует существовавшей тогда действительности.

Мотивы республик ограничены в статье стремлением получить большие инвестиции из союзного бюджета. Это названо рациональной стратегией. Но и это полностью противоречит практике работы Госплана СССР и плановой системе распределения ресурсов между союзными республиками. Заинтересованность союзных республик в капиталовложениях понятна, но сама по себе она не влекла разрушения, пока осуществлялась общая координация и управление союзным государством, а в рамках единой плановой системы выделение ресурсов происходило согласно сметам и расчетам плановой потребности. Укажем, что заинтересованность республик в капиталовложениях существовала всегда, на протяжении десятилетий союзного планового хозяйства, но выступала фактором социально-экономического развития Советского Союза, а не его разрушения. Отчего же только с 1989 г. она стала вдруг фактором разрушения союзной Федерации?

Как видим, П.А. Ореховский демонстрирует непонимание федеративного устройства и работы органов планирования в СССР.

Исходя из своего непонимания, автор развивает изложение уже в терминах конфедерации, давая субъективные оценки роли КПСС, и переходит к тому, что СССР – это корпорация. И здесь реальность подменена домыслами. Ссылки на нормативные акты и документы беспомощны, так как демонстрируют лишь факт неосведомленности в предмете.

Вызывают совершенное неприятие пассажи относительно общественной собственности на средства производства, прогрессивный характер которой пропагандировал якобы лишь марксизм-ленинизм. Естественно, неолибера-

лизм зеркально внушает обществу подается в уничижительнее, даже не подается, а п. Напротив, теория общественности и без учета всяких сомнений, не научным научной этики, полностью требований и научной работы

Общественная собственность ализма, хотя это главный атрибут солитизация обмена (предст что в процессе обмена долж как советские государственные меняется. Проведены парадные в данном случае. Мотивы зательно собственности. Сам собой приватизированные и крупному частному собствен смену собственности не является недостатком, а провозглашение в годы самых серьезных кризисов товарно-денежного обмена проясняет о причинах разрушения

В принципе применение глубокого понимания ее фундаментальный подход. Без прочтении гонки под заранее принятые публиканский народ», голосной собственности при выходе не представляя глубину юридически отдельный предмет в рамках метода «затраты-выгоды» тем субъективны, они попра максимизации собственного вод, запрограммированный по сути, нормативно-оценочный так называемыми квазиго-

Второе. В современной регионах как квазигосударств кампа), но чтобы называть чрезмерным. Точнее, это аб юридическим документам, т порации¹⁶.

В параграфе, посвященном расчет, деятельность экономики искажениями. Например, утрирования споров экономистов о истинности подлинной широты дискуссию повысить заинтересованности а не просто споры по правоте рода начались со второй половины реформы» в середине вались уже во второй половине, предприятия распоряжения, высказываемые в этом

Каким было это распоря-

ультате добровольного объединения»¹³. «Конфедерация – это высшее (суверенное) существование своей деятельности по отношению к союз»¹⁴.

Вместе с тем, что общепринято, так как даже по юридическим документам, утверждают, что СССР – это «словарные» определения, на основе которых, что это была на самом деле распада страны. Даваемые трактовки республиканского значения и свободы торговли, сопряженное с

Р. Если и был предусмотренный порядок. В социалистическом государстве и имеют фундаментальное разрушения, а не проигрывает: мол, захотели – уничтожили причину – это самое главное можно рассмотреть и по-

системное, игнорируется в анализе проводится пустой и республик, проводится ситуация сводится к республиканских Госпланах и существовавшей тогда дей-

ением получить большие национальной стратегией. Но и в СССР и плановой республиками. Заинтересованна, но сама по себе координация и управленческой системы выделение плановой потребности. овложениях существовавшего хозяйства, но вы Советского Союза, а не вдруг фактором разруше-

внимание федеративного

дожение уже в терминах ИС, и переходит к тому, смена домыслами. Ссылка как демонстрируют

сительно общественной характер которой естественно, неолибера-

лизм зеркально изображает обратное, изображая из частной собственности «священную корову» и абсолютизируя ее. Марксистская теория фактически в статье подается в утрированном и резко обрубленном, примитивном виде; точнее, даже не подается, а представлена в виде насмешки над марксизмом. Напротив, теория общественного выбора абсолютизируется – без анализа ее ограниченности и без учета ее методологической пустоты. Перед нами, вне всяких сомнений, не научный подход, а подход, граничащий даже с нарушением научной этики, полностью противоречащий пониманию смысла научных требований и научной работы в области политической экономии¹⁵.

Общественная собственность названа главной проблемой советского социализма, хотя это главный атрибут и достоинство этой системы. Далее идет абсолютизация обмена (представлен в буржуазном варианте). Выставлен довод, что в процессе обмена должен обязательно меняться собственник, между тем как советские государственные предприятия обмениваются, а собственник не меняется. Проведены параллели с Вавилоном и Египтом – абсолютно неуместные в данном случае. Меняться в обмене могут и распорядители, вовсе не обязательно собственники. Например, сейчас продукцией обмениваются между собой приватизированные предприятия, принадлежащие одному и тому же крупному частному собственнику-олигарху: обмен между ними происходит, а смены собственника нет. Концентрация и централизация собственности – это не недостаток, а преимущество советской экономической системы, доказанное в годы самых суровых испытаний. Так что довод, основанный на абсолютизации товарно-денежного обмена, ничего не доказывает. И тем более ничего не проясняет о причинах разрушения СССР.

В принципе применение оценок сегодняшнего дня к прошлой системе, без глубокого понимания ее функционирования и причин разрушения составляет ущербный подход. Без прочной методологии достичь можно только цели подгонки под заранее принятые П.А. Ореховским схемы. Он вводит термин «республиканский народ», голословно рассматривая экспроприацию государственной собственности при выходе, якобы отталкиваясь от конституционных норм, не представляя глубины юридических последствий, поскольку это составляет отдельный предмет в рамках юриспруденции, а не экономического анализа и метода «затраты-выгоды» теории общественного выбора. Все эти оценки сугубо субъективны, они попросту ненаучны. Агентам приписывается функция максимизации собственного благосостояния и делается необоснованный вывод, запрограммированный предшествующим изложением, которое является, по сути, нормативно-оценочным, о возможности поделить собственность между так называемыми квазигосударственными акторами.

Второе. В современной регионологии известны модели, представляющие регионы как квазигосударства и корпорации (работы Куклински, Буасье, Нийкампа), но чтобы называть корпорацией СССР – такое допущение видится чрезмерным. Точнее, оно абсолютно не отвечает реальности, противоречит как юридическим документам, так и экономическим представлениям о работе корпорации¹⁶.

В параграфе, посвященном СССР как корпорации, оценке подвергнут хозрасчет, деятельность экономистов-математиков – и все это не точно, с явными искажениями. Например, утверждается, что «дискуссия о хозрасчете, это история споров экономистов о правах предприятий». Но это неоправданное сужение подлинной широты дискуссий о хозрасчете, с которым связывали возможность повысить заинтересованность трудового коллектива в результатах труда, а не просто споры по правам предприятий. Причем первые дискуссии такого рода начались со второй половины 1950-х гг., разгорелись при подготовке «козыгинской реформы» в середине 1960-х, затем несколько стихли и активизировались уже во второй половине 1980-х, причем ближе к 1988-1989 гг. Разумеется, предприятия распоряжались своим имуществом, активами. Поэтому сомнения, высказываемые в этом ключе, малоосновательны.

Каким было это распоряжение – совсем иной вопрос. Далее дается такая

интерпретация: «В ретроспективе может показаться, что споры шли не столько о праве распоряжения основными фондами и продукцией, сколько о директивном и индикативном планировании». При этом автор статьи не указывает годы, когда он наблюдал такое, поэтому в целом можно сказать, что никаких споров о двух разных формах планирования никто не вел, так как понимал значение и разницу между этими формами. Возможно, для разрушения страны в 1989-1991 гг. были некие споры между некими бенефициарами разрушения, но является ли это показательным и профессиональным – большой вопрос.

В рамках словесных манипуляций П.А. Ореховский допускает такую гипотетическую сентенцию, которая выглядит, на наш взгляд, унижительно для советских специалистов, что современный экономист, скорее всего, выступал бы за свободу предприятий при распоряжении своим имуществом и невмешательство бюрократов в деятельность «первичных социалистических единиц». Однако вызывает сомнение, что современный экономист, подобным же образом трактующий советскую экономику, понимает, что такое первичная социалистическая единица. Тем более зачем переносить оценку прошлых событий в современность и говорить о сегодняшних предпочтениях, обращенных к иной, не существующей уже системе, которую современный экономист вряд ли видел и хорошо понимает.

Таким образом, можно уверенно говорить, что применяется странный, непонятный стиль изложения и передергиваний, сомнений, предположений, гипотетических оценок. Это не может рассматриваться как научное достижение и правдоподобное изложение.

В частности, утверждается, что советские экономисты-математики рассматривали целевую функцию предприятий, ориентированную на прибыль, а политэкономы рассматривали заработную плату. Это также искажает подлинное состояние вопроса, так как не указывается, какие именно экономисты-математики, поскольку применялись и целевые функции максимизации объема продаж, выпуска с некоторыми ограничениями и другие оптимизационные модели. Никакого искусственного конфликта между акторами, преследующими цели максимизации заработной платы (работники) и прибыли (руководители предприятий) не происходило, да и хозрасчет внедрялся с массой недочетов и ошибок, так что абсолютизировать эту систему вовсе незачем.

В статье помещено пространное рассуждение, отчасти справедливое, о том, что советские предприятия имели на балансе социальную сферу (туристические базы, дома отдыха, коммунальные системы и др.). Это так называемые непроизводственные фонды, которые были во многом разрушены приватизацией 1990-х гг., частью переданы на баланс муниципалитетов позже, но все-таки в основном утеряны, за исключением отдельных крупных предприятий, которые сохранили даже собственные медицинские службы и санатории. Но к чему ведет П.А. Ореховский? Этот абзац оканчивается утверждением, что градообразующий характер предприятий порождает из-за «социалки» проблему либо содержания за счет бюджета либо переселения. По мнению П.А. Ореховского, у руководства социалистических предприятий не было для этого ресурсов и компетенций. Это ложное мнение. Не случайно элементы социальной практики советского времени появляются и за рубежом. Так, в начале 1990-х гг. фирма «Самсунг» строила для своих работников бассейн, библиотеку, включая в баланс эти непроизводственные фонды, явно копируя советский опыт.

Кстати, почему бюджетных средств для содержания социальной сферы стало не хватать лишь в постсоветской России и СССР последних, горбачевских лет развала? Случайно ли это? Отнюдь нет. И еще: разве пошло на пользу уничтожение социальной сферы предприятий посредством коррумпированной приватизации? Маловразумительные умозаключения, содержащиеся в разбираемой статье, фактически подменяют реальность ложными оценками и мнениями, объективируя процесс разрушения СССР и нанося прямой идеологический и политический вред нашему обществу.

Наконец, пик ложных рвствам приписана самостоятельности они отвечали и за социальные ятий, то это напомнило П.А. С обернулся аж к Средневековью прошлое. СССР как корпорация потетическая попытка передаваться как экспроприация как прямое искажение советской страны никто ничего с одной намеренно обходит тот факт, тельно противоречит общест- номическому порядку СССР, советской страны.

Принимая за аксиому для корпорации, а СССР – это ит- чивается тезис о борьбе за рид бюро ЦК КПСС и т.д. Там же здесь изменяет логика. Если темп роста советской экономии го темпа роста восточной

П.А. Ореховский ставит тельное влияние на СССР, а д ствием некой борьбы между : считать. Но так ли это на са неразрешим в рамках метода общественного выбора и так- тье утверждается, что борьба 1970 г. Тогда вопрос: а какой Россия до сих пор по многа ветской 13-й пятилетки, не р-

Вплоть до своей дезорги- стема, включая Госплан СССР пропорции, обеспечивать во всем республикам Советско- автором статьи, не допускали мизация приоритетов и рас- Она и сейчас существует, с- стема решала ее куда более ская. Но это, похоже, П.А. С- нальные изменения конца 19- шения Советского Союза.

Причина вовсе не в совет инженерную базу и социаль- ственности и сломе центра- показывают, что социаль- до приватизации 1990-х гг., смотря на несколько воли пр-

В общем, абсолютизация бы за ресурсы в СССР не и- мального распределения рес- циально-экономического рас- ки и общества только там и- либо таковое блокируется в доказал, что «борьба за ресу- страны. Однако он придает- ть опять настаивает: «Стен-

то споры шли не столько о директивах, сколько о директивах, которые не указывают годы, даты, что никаких споров как понимал значение и разрушения, но является вопросом.

и допускает такую гипотезу, унизило для со всем, выступал бы сществом и невмешатель стических единиц». Одн, подобным же образом кое первичная социализку прошлых событий в дах, обращенных к иной, экономист вряд ли ви

меняется странный, неий, предположений, ги к научное достижение и

мисты-математики расованную на прибыль, а также искажает подлинне именно экономисты и максимизации объема е оптимизационные мо рами, преследующими прибыли (руководители с массой недочетов и зачем.

ти справедливое, о том, ную сферу (туристиче). Это так называемые разрушены приватизаитетов позже, но все- крупных предприятий, жбы и санатории. Но к утверждением, что гра «социалки» проблему мнению П.А. Ореховбыло для этого ресурэлементы социальной. Так, в начале 1990-х бассейн, библиотеку, но копируя советский

социальной сферы ста следних, горбачевских пошло на пользу уни м коррумпированной державшиеся в разбира и оценками и мненияемой идеологический

Наконец, так логично рассуждений: СССР – это корпорация. Министерством приписана самостоятельность в распоряжении имуществом, а поскольку они отвечали за социальную сферу, находящуюся на балансе своих предприятий, то это именовано П.А. Ореховскому корпорацию. В поиске поддержки он обернулся аж к Стрельникову, применяя свой архаичный подход, уводящий в прошлое. СССР как корпорация трактуется в виде «ангельской сущности». Гипотетическая попытка передать имущество местным советам должна расцениваться как экспроприация корпоративной собственности. Но и здесь выходит прямое искажение советской реальности, поскольку до процесса разрушения страны никто ничего с одного баланса на другой не передавал. Автор статьи намеренно обходит тот факт, что предполагаемая им попытка, которая разительно противоречит общественно-политической формации и социально-экономическому порядку СССР, как раз и доказывает рукотворность разрушения советской страны.

Принимая за аксиому ложную посылку, что советские министерства – это корпорации, а СССР – это крупное корпоративное образование, далее разворачивается тезис о борьбе за ресурсы между Госпланом, министерствами, Политбюро ЦК КПСС и т.д. Такая борьба якобы замедляла темп роста. Автору и здесь изменяет логика. Есть данные статистики, в соответствии с ними средний темп роста советской экономики в 1985-1990 гг. был значительно выше среднего темпа роста постсоветской России за 2014-2022 гг.

П.А. Ореховский клонит к тому, что неявная борьба оказывала разрушительное влияние на СССР, а диспропорции в народном хозяйстве явились следствием некой борьбы между элитами. Так он хочет считать, так считает и будет считать. Но так ли это на самом деле? Это вопрос коренной, и более того, он неразрешим в рамках методологии неолиберальных теорий, в частности теории общественного выбора и так называемой новой политической экономии. В статье утверждается, что борьба за ресурсы затрагивала все пятилетки начиная с 1970 г. Тогда вопрос: а какой борьбой объясняется тот факт, что постсоветская Россия до сих пор по многим параметрам не достигла контрольных цифр советской 13-й пятилетки, не реализованной в силу разрушения единой страны?

Вплоть до своей дезорганизации советская социально-экономическая система, включая Госплан СССР, работала так, чтобы вскрывать и устранять диспропорции, обеспечивать выравнивание уровня экономического развития по всем республикам Советского Союза. Конфликты, гипотетически мыслимые автором статьи, не допускались. Разумеется, проблема выбора, равно как оптимизация приоритетов и распределения ресурсов между ними, существовала. Она и сейчас существует, с тем только отличием, что плановая советская система решала ее куда более эффективно, чем решает бесплановая постсоветская. Но это, похоже, П.А. Ореховского не волнует, как и то, что институциональные изменения конца 1980-х гг. во многом подчинялись программе разрушения Советского Союза.

Причина вовсе не в советском корпоративизме, который якобы похоронил инженерную базу и социальную инфраструктуру, а в денационализации собственности и сломе централизованной плановой системы. Имеющиеся данные показывают, что социальный, как и инженерный, потенциал не был уничтожен до приватизации 1990-х гг. и даже сохранял живучесть вплоть до 2004 г., несмотря на несколько волн приватизации.

В общем, абсолютизация и выпячивание мифической корпоративной борьбы за ресурсы в СССР не имеет оснований. Проблема выбора наиболее оптимального распределения ресурсов относится ко всем этапам современного социально-экономического развития и становится разрушительной для экономики и общества только там и тогда, где и когда не находит правильного решения либо таковое блокируется изнутри или извне. П.А. Ореховский сказал, но не доказал, что «борьба за ресурсы» превратилась в орудие разрушения советской страны. Однако он придает такое значение этой борьбе, что в завершение статьи опять настаивает: «Стоит повториться, что именно борьба отраслевых лоб-

бистов привела к созданию и обострению всех диспропорций». Перед нами вновь-таки голословное утверждение. Оно ничем не обосновано. Оно и не может быть обосновано, потому что прежде всего надо конкретизировать существовавшие диспропорции, затем выяснить, действительно ли велась министерская борьба и могла ли она, несмотря на принятые и реализуемые планы, создавать и притом обострять диспропорции, исключая прочие факторы и закономерности. Негативное влияние бюрократии видели многие выдающиеся руководители советского государства: В.И. Ленин, В.В. Куйбышев, Ф.Э. Дзержинский. Еще в 1922 г. Ленин писал Куйбышеву о бюрократии – «если что нас погубит, то именно это».

Мансур Олсон в своей теории групп придает важное значение группам особых интересов (лоббистам) и доказывает, что их борьба, обостряясь, приводит к замедлению темпа роста вследствие торможения инновационных процессов. В данном отношении П.А. Ореховский не сумел сделать шага вперед, так как не нашел, какие конкретно группы особых интересов сложились в СССР и вели друг с другом «острую борьбу». Что касается претензий автора на вклад в развитие так называемой новой политэкономии, сводимой исключительно к теории общественного выбора, то они выглядят самонадеянными. Схема позаимствована у М. Олсона, но вместо того чтобы наполнить ее адекватным содержанием на основе исследования и анализа богатого материала советского периода, П.А. Ореховский ограничился лишь собственными домыслами, оценками и спекуляциями, далекими от фактов и статистических данных. Поэтому его статья пронизана набором гипотетических утверждений по принципу гадания на кофейной гуще: что было бы, как повели бы себя предприятия, если бы был принят тот или иной институт в рамках закона о государственном предприятии. Системный анализ и подход напроочь отсутствуют, закономерности и базовые основы организации социалистической экономики не анализируются в рамках научной политической экономики, изучающей конкретно-исторический способ производства. Научная политэкономия подменяется «новой», ненаучной, ограниченной так называемой теорией общественного выбора.

Какова же методология изучения распада СССР? В рассматриваемой статье она полностью отсутствует. Выхваченная из контекста известная фраза Ю. Андропова, что мы не знаем общества, в котором живем, вряд ли может приниматься в качестве метода познания этого общества. Цитаты и ссылки на иные работы вообще не могут рассматриваться как доказательства неких тезисов, положений и обобщений, тем более при банальной компиляции, когда автор копирует подход Олсона, объявляя группами особых интересов некие корпорации в виде советских министерств, путая федерацию и конфедерацию, искаженно трактуя общественную собственность на средства производства, да и уделяя слабое внимание противоположности двух систем – капитализма и социализма.

В конце статьи П.А. Ореховский отходит от «феномена Горбачева» и применяет термин «загадка Горбачева». Он отказывает СССР в возможности реформирования по весьма надуманным причинам, не видя, что разрушение правящей партии горбачевской фракцией явилось демонтажем системы управления и оставило советскую страну без общественной силы, готовой вести общество к прогрессу. Он утверждает, что в стране не было акторов, способных на такие реформы, но причина им не анализируется.

Обобщая и завершая наши возражения, стоит отметить, что такие крупные социальные системы, как советская и общесоюзная, не разрушаются без прямых и косвенных бенефициаров разрушения. Складывается и действует системный набор внутренних и внешних факторов, играющих на разрушение, со специальными методами обработки населения и демонтажем системы управления. Однако понять такие процессы с позиции теории общественного выбора и новой политической экономики нельзя – в силу ограниченности спектра их методов, инструментов и допущений. Советские республики не максимизировали стоимость принадлежащих им активов, а министерства не приобретали все

большой объем ресурсов, поэтому применяемым формам экономического развития СССР собственные доходы путем национального достояния. При подавляющих на подкуп приватизацию собственности, порции доходов и национализации национализации собственности «старых собственников» и «новых русских».

Интересы ЦК КПСС. По сути состояли в том, чтобы сохранить этот смысл система была отвала Коммунистическая партия что принятие поправки о свертывании для дискредитации и свершений ради разрушения. Заимствование слова М. под нее реалии СССР – это именно беспомощность при распаде системы СССР.

Подлинная методология факторов, учитывая наличие условий, изучать причины сложной системы, самоуправляемости системы. Здесь нужна синергетика, синергетика, без которой являющуюся законы развития научными подходами заведомо чуждыми мотивами самих их воюют с прошлым и сводят дюжинный интеллект».

Заключение. В завершение Во-первых, теория историческим реалиям объяснить предоставить даже полноценности государственного управления.

Во-вторых, рассматривая политическую экономии, не используется для ложной интерпретаций, позиций и оценок.

В-третьих, попытка объяснить факторами, научно не образная идеологическая фиксационными методами.

В-четвертых, не представляется факторов разрушения.

В-пятых, не просматривается в области политической «вой», которая представляется позиции выбора применительно, частью не отвечающими.

Таким образом, новая политэкономия капиталистическое развитие не может быть применена к началу 1990-х гг. К тому же разрушающего резким обострением.

диспропорций». Перед нами обосновано. Оно и не могло конкретизировать существенно ли велась минимальные и реализуемые планы, очая прочие факторы и задели многие выдающиеся В.В. Куйбышев, Ф.Э. Дзержинский – «если что нас

важное значение группам борьба, обостряясь, привнося инновационных процессов сделать шага вперед, так ресов сложились в СССР и ретензий автора на вклад в водимой исключительно к надежными. Схема позаволнить ее адекватным сотого материала советского ценными домыслами, оценгических данных. Поэтому асдений по принципу гада себя предприятия, если бы а о государственном предствуют, закономерности и юмики не анализируются в й конкретно-исторический аняется «новой», ненаучанного выбора.

В рассматриваемой статье та известная фраза Ю. Анем, вряд ли может прини. Цитаты и ссылки на иные аательства неких тезисов, компиляции, когда автор интересов некие корпораю и конфедерацию, искадства производства, да и истем – капитализма и со-

номена Горбачева» и при СССР в возможности ревидя, что разрушение праптажем системы управлензлы, готовой вести общедю акторов, способных на

ветить, что такие крупные не разрушаются без прядывается и действует сиавующих на разрушение, соптажем системы управлен общественного выбора и иченности спектра их мелики не максимизировали ства не приобретали все

больший объем ресурсов, поскольку такие интересы и поведение не соответствовали примесным формам и методам научного планирования социально-экономического развития СССР. Директора предприятий не максимизировали собственные доходы путем частного присвоения общественного богатства и национального достояния. Пример тому – феномен «красных директоров», не поддавшихся на подкуп приватизацией и до последнего защищавших государственную собственность, порой даже ценой своей жизни. Практика приватизации доходов и национализации убытков получила распространение после денационализации собственности, вызвав к жизни асоциальный тип «новых собственников» и «новых русских».

Интересы ЦК КПСС, Политбюро и всей партийной вертикали отнюдь не состояли в том, чтобы сохранять власть и доминирующее положение, так как в этом смысле система была однопартийной и властные полномочия реализовывала Коммунистическая партия и ее органы руководства. Уже давно известно, что принятие поправки о снятии руководящей роли КПСС и стало спусковым крючком для дискредитации советского общества, фальсификации его истории и свершений ради разрушения общесоюзного государства.

Займствование схемы М. Олсона не помогло П.А. Ореховскому. Подгонка под нее реалий СССР – это изначально негодная методология, которая совершенно бесполезна при рассмотрении сложной темы причин и следствий разрушения СССР.

Подлинная методология должна включать оценку внутренних и внешних факторов, учитывая наличие групп интересов в качестве одного из множества условий, изучать причины отсутствия начал самоорганизации социалистической системы, самоуправляемых и обеспечивающих поддержание жизнеспособности системы. Здесь нужно привлекать аппарат и теории организации, кибернетики, синергетики, безусловно марксистскую теорию, наиболее емко выявляющую законы развития капитализма и построения социализма. Иные, ненаучные подходы заведомо ангажированы идеологическими и приспособленческими мотивами самих исследователей, отдельные из которых до сих пор воюют с прошлым и сводят счеты с советской властью, обеспечившей им «недюжинный интеллект».

Заключение. В завершение отметим важные позиции.

Во-первых, теория общественного выбора неспособна дать адекватное историческим реалиям объяснение причин разрушения СССР, она не в состоянии предоставить даже полноценного факторного анализа снижения эффективности государственного управления.

Во-вторых, рассматриваемая статья не привносит какого-либо вклада ни в политическую экономию, ни даже в теорию общественного выбора, которая используется для ложной концептуализации идеологически предвзятых интерпретаций, позиций и оценок.

В-третьих, попытка объяснения факта разрушения СССР некими объективными факторами, научно не определенными, может рассматриваться как своеобразная идеологическая диверсия, причем осуществляемая заведомо фальсификационными методами.

В-четвертых, не предложена методология научного анализа факторов распада и факторов разрушения СССР.

В-пятых, не просматривается попытки обнаружения неких закономерностей в области политической экономики, включая даже ту, объявленную «новой», которая представлена в виде теории общественного выбора. Трактовки с позиции выбора применительно к СССР являются ангажированными, большей частью не отвечающими апологии разрушения союзной Федерации.

Таким образом, новая политическая экономия, весьма слабо объясняющая капиталистическое развитие и функционирование политической сферы, не может быть применена к объяснению процесса разрушения СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг. К тому же каждый год в этом периоде отличался от последующего резким обострением ситуации, что подтверждает отсутствие накап-

ливающих «объективных» причин распада. Нужны критерии выделения факторов, играющих на разрушение, чтобы их изучать, и доказательства необратимости принимаемых решений. Отметим, что даже «Беловежские соглашения» были обратимы, а феномен высшего руководителя состоял в том, что он попустительствовал разрушению страны – руководимого им объекта, не считаясь с тем, что руководство предполагает обеспечение сохранности и безопасности объектов. Вместо ареста разрушителей, нарушивших конституционные нормы и целые разделы федерального законодательства, глава государства оставил свой пост, чем полностью согласился с разрушением страны. Является ли это феноменом, т.е. необычным и редким явлением? По-видимому – да, поскольку в истории народов крайне редка ситуация, когда правитель, уходя со своего поста, тем самым разрушал государство, которому присягал и служил.

Однако, осуществляя такие действия, невозможно было не понимать их последствий: это действия явно разрушительного характера, они не подпадают под понятие «распад» в значении самопроизвольного и объективного, хотя отдельные словари и трактуют этот термин как разрушение системы до более мелких элементов.

Обобщая, отмечу, что статья П.А. Ореховского неконструктивна и ненаучна. Она является ярким примером идеологического приспособленчества отдельных представителей российской экономической науки к неолиберальным фетишам. В этом она наносит большой вред как с точки зрения развития экономической науки России, так и подведением «объективной базы» под объяснение якобы неотвратимости разрушения СССР и порочности социалистической государственной системы.

Разобранная статья, на наш взгляд, должна служить предостережением для новых поколений научных работников о том, как далеко можно зайти в поправках науки и ее результатов, если следовать ложной идеологии и методологии, как можно искажать причины и факторы разрушения, чтобы оправдывать его и разразившийся вследствие этого системный кризис, из которого Россия выбирается до сих пор, прикладывая усилия для завершения развязанной против нее открытой прокси-войны с НАТО. Всем этим мы обязаны разрушению Советского Союза как централизованного федеративного союзного государства: обрзано говоря, каша заварилась еще тогда.

Как представляется, нашей экономической мысли пора изживать ошибки, иллюзии и привнесенные извне мифы, возвращаясь на путь научного поиска истины. Прежде всего, актуальное переосмысление общественной собственности в качестве фундаментального основания централизованного государства вообще и федеративного его типа в особенности, а также централизованной системы плано-координируемого социально-экономического развития. В России силен запрос на социальную справедливость и масштабную новую индустриализацию, направленную на полную автоматизацию отечественных производительных сил. По сути, это запрос на обобществление собственности, которое позволит сполна использовать закон концентрации и централизации для всемерного развития России.

¹ По статье П.А. Ореховского «"Феномен Горбачева": распад СССР через призму новой политической экономии» // Федерализм. 2022. № 3. С. 5-22. За эту статью ее автор был удостоен недавно премии имени академика А.И. Татаркина, с чем трудно согласиться, поскольку заявленная номинация премии – «политическая экономия», тогда как сколько-нибудь различного вклада в политическую экономию, тем более российскую ее школу, названная статья не внесла.

² Хотя автор статьи работал трудником Госплана СССР как ра-

³ Бьюкенен Дж. Конституция боды. – М.: Таурис Альфа. 1997. С.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ Там же. С. 21.

⁶ Там же. С. 23.

⁷ См. подробнее Сухарев О. ность. Журнал экономической теор

⁸ См.: Ореховский П.А. «Фе тической экономии» // Федерализ

жений, указывается, что отдаленные

совые противоречия. Метод обобщения

содержание, подобные же субъективные

научным. Он требует рассмотрения

ссылки, адекватности их применения

⁹ Автор далее проводит по т

¹⁰ Это подтверждает анализ

СССР, в частности проф. А.С. «острой борьбы за ресурсы»

¹¹ А. Меллер, член президиума

функции преступлений против общ

ли возможно.

¹² Это подтверждает анализ

странвасмой из. Анализ статьи в

¹³ Словарь иностранных слов

¹⁴ Там же. С. 251.

¹⁵ Конечно, возникают вопро

ВАК, не говоря уже и о пределе

флета, отражающего сомнения, с

¹⁶ Изображение советского

конце 1940-х гг. идеолог РОБС

ское государство должно быть

ков» (См.: Ильин И.А. Собрание

сицы. – М.: Русская книга. 1993. (